

Снежная Александра

Не люблю козлов

**Запрещается размещать файл
на интернет-ресурсах, а так-же
передавать его через социальные
сети другим лицам.**

Авторское право

на произведение

«Не люблю козлов»

принадлежит

Снежной Александре

**Нарушение авторского права
преследуется по закону:**

Ст. 146 Уголовного Кодекса России

Ст. 176 Уголовного Кодекса Украины

Ст. 184 Уголовного Кодекса Республики Казахстан

Ст. 201 Уголовного Кодекса Республики Беларусь

Не люблю козлов

Все началось с козлов. А не люблю я козлов! А сосед Михалыч был козлом редким. И одноклассник Митька тоже был козел еще тот. И вообще козлы почему-то по жизни меня окружали. Первый встретился на моем пути, когда мне было двенадцать, и родители отвезли меня к бабушке в деревню, чтобы я на каникулах отъелась на домашнем молоке со сдобой и приобрела здоровую румяность и пухлость. Подлая рогатая морда подкараулила меня, когда я веселая и счастливая, пританцовывая, шла по дорожке на речку. Козлина вышла аккуратно поперек дороги и, мотая своей жидкой бородашкой, изрекла:

- Ме-е-е-е-е.

Я вежливо подвинулась в сторону, позволяя животинке пройти. Я вообще девочка воспитанная. Но этой гадине почему-то понадобилась именно та часть дорожки, на которую я подвинулась.

Козел сделал шаг в сторону и, выпучив свои наглые зенки, гордо произнес:

- Ме-е-е-е-е.

Помня о том, что я девочка воспитанная и порядочная, я опять сделала шаг в сторону. Козел, наверно, был либо очень тупым, либо очень наглым, потому как он опять стал напротив и ехидно так сделал:

- Ме-е-е-е-е.

Понимая, что конструктивного диалога у нас не получится, я решила забыть на время о вдалбливаемых в меня с детства моральных принципах леди и, топнув ножкой, крикнула:

- Пошел вон, урод плешивый.

Вот не знаю точно, что ему так не понравилось, то ли что я его уродом обозвала, то ли что плешивым, но козел радостно сделал: «Ме-е-е-е-е», понимая, что теперь ему есть что мне предъявить, и двинулся на меня всей своей козлиной фактурой.

Бежала я быстро. Я вообще очень быстро бегаю, но козлиная, наверное, тоже разряд по козлиной атлетике имел, потому что он меня практически догонял. Спасение я нашла на заборе бабки Маруси - хорошая такая женщина, заботливая. У неё яблони вдоль дороги растут, так местные мальчишки все время

залезут на них и трясут, а бабка с пучком крапивы вылетает и по пяткам их голым, по пяткам, и все причитает:

- Кушайте яблочки, кушайте, ироды босоногие.

Так вот, о заборе... Кто ж знал, что козел начнёт лупить в него своей тупой башкой? Но я тоже не лыком шита, нас так просто с забора не стряхнёшь! Поднатужившись, я подтянула ноги и попыталась залезть повыше. И тут забор сделал «хрясь». А старый был забор у бабки Маруси!

И вот мы летим... Забор и прицепленная к нему я. Прямо в помидоры. Помидоры не выжили. Зато выжила я. О чем сильно пожалела, потому как на меня неслась с выпученными глазами баба Маруся, потрясая огромным пучком крапивы.

Я вообще до этого момента думала, что крапива - это лекарственное растение, мне так мама говорила. Я и решила, что меня сейчас лечить будут, коленку и руку я же разодрала в кровь, когда падала. Стою. Жду. И что характерно, козел почему-то сделал ноги, как и не было.

Ох, и полечила меня баба Маруся! Чесалась я после её лекарственных примочек дня три. А главное, мне никто не верил, что за мной козел гнался, потому как по факту этого гада никто не видел. Но на этом рогатая скотина не остановилась - козел стал караулить меня повсюду, куда бы я ни ходила. Однажды бабушка послала меня в магазин, за хлебом, и вот на обратном пути мы и встретились на узкой дорожке, как ковбои в вестернах. Я - с авоськой и батоном, и он - с рогами и плешивой бородой. Пару минут мы, как положено, смотрели друг другу в глаза, проверяя на вшивость, кто дрогнет первым. Козел сдаваться не хотел, а я долго бояться устаю, поэтому, раскрутив авоську как пращу, я долбанула козла батоном по башке. Батон был свежий и мягкий и накололся на выставленный рог, как вареник на вилку. Авоська повисла на бородатой морде, как вуалька. Козел мотнул головой, офигев от такого поворота событий, но батон и авоська не сдавались. А не так просты они, продукты отечественной промышленности! Скотина яростно задёргалась и с воплем: «М-е-е-е-е» ринулась на меня.

На этот раз я бежала быстрее, ну, потому что козлу авоська и батон мешали. А впереди меня ждало оно... Дерево! Как я на него вылезла - до сих пор не пойму, но снимали меня с тополя пожарники, потому что забралась я почти на самую верхушку, а обратно - страшно. Козел по привычке с разбегу долба-

нулся рогами в ствол, очевидно, с забором перепутал. Ну, вуалька ему, наверно, мешала, да и батон полморды закрывал. Заборы-то в деревне хлипкие, а дерево - оно ого-го. Короче, дерево за меня отмстило. Очередная попытка Гастелло-козла, таранившего фашиста-дерево, кончилась сломанным козлиным рогом, и (я бы убрала) тем самым, на котором батон застрял. Так что теперь у меня ещё и вещественное доказательство имелось.

И вот с того дня козел стал меня обходить десятой дорогой, а я поняла одну нехитрую вещь, что леди и козлы - это как два берега одной реки, широкой-широкой, и бороться с представителями этой подлой расы можно только одним способом - обламывать рога! В общем, леди во мне козлы загубили! На корню!

Вторым, и самым большим козлом в моей жизни был Митька! Жило это недоразумение в соседнем дворе. Вечно бегал сопливый и в драных штанах. И невзлюбила его ещё тогда, когда они с мальчишками в вождя краснокожих играли, а меня не взяли. Причём не взял именно Митька. Утёр свой сопливый нос и нагло мне так заявил:

- Я вождь! Иди отсюда, бледнолицая.

А я обиделась, поэтому и сказала ему:

- Какой же ты вождь? Индеец ты!

Так его потом и прозвали: Митька-индеец. А вождь у нас во дворе один был - дворник дядя Федя. Он в армии пограничником служил, и все хвастался, что белку с одного выстрела в глаз бил. У него и кличка была как у вождя – «Федор - косой глаз». Это потому, что у него глаз один косил, и никогда не понятно было, к тебе он обращается или к кому другому. Так вот, метлу он метал не хуже чемпионов по метанию копья.

Однажды к нам во двор какой-то хлыщ заявился, ждал Любку со второго подъезда. Любка - барышня видная была, особенно в задней части. Эту часть издали и видно было. И мужики за этой частью в основном и ходили. Хлыщ пока ждал, решил семечек поплевать, а дядя Федя только двор подмёл. А у нас во дворе даже мужики окурки в рукава прятали, когда дядя Федор подметал, а собаки и коты так вообще в соседний двор гадить ходили. А хлыщ, он не местный был, и к чистоте, видать, неприученный. Поэтому когда дворник стал орать: «Куды по подметенному?», дурачина ему палец показал... Средний...

Черенок метлы заехал ему прямёхонько в темечко. Он ведь, убогий, даже не обернулся, когда дядя Федя

прорычал как медведь: «Пришибу падлу!»

Так он и лежал - мордой в лушпайках, когда Любка из подъезда вышла. А дядя Федор, он что, метлу поднял, да на Любку как гаркнет: «А ну, кикимора, забирай сваво упыря, и плювки его шоб прибрала, а то я вам щас метлой промеж булок поход к проктологу организую».

Любка лушпайки упырю в карманы позапихивала и уволокла побыстрее, от греха подальше. Больше к ней хахали во двор не ходили.

Ну, так вот, Митька за индейца мстить мне начал. То по луже на велике проедет рядом, когда я в чистом платьице с музыки топаю, то с балкона в меня огрызком пульнет, то, пробегая рядом, за хвостик дёрнет. Но хуже всего стало, когда в шестом классе этого уroda в нашу школу перевели, да еще и в мой класс. Житья не стало совсем. Сначала эта гадина мене грифели на карандашах ломала. Я девочка аккуратная была, и карандашики каждый вечер точила, чтоб остренькие были. Митька, пока я на переменку ходила, тыкал карандашом о парту, выламывал грифель, и обратно в пенал его прятал. А Марья Ивановна, математичка наша, все мне замечания в дневник писала: «Пришла неподготовленная к уроку». Я сначала никак понять не могла, как же так? Но нашлись люди... Просветили... Подсказали... Анька Кузьявкина подошла на перемене и шёпотом сказала:

- А Митька тебе опять карандаши ломает. И вот тогда я поняла, что он козел, и хотя рогов у него не было, но поломать ему точно что-то надо было!

Влетела я в класс, когда козлиная морда уже сделала свое подлое дело: карандаш пал смертью храбрых в руках вражеского оккупанта. И жалко мне его так стало... Ну, карандаш, в смысле. Держу я в руках его искалеченное желтое тельце, с золотистой надписью Koh-i-Noor, и слезами обливаюсь. А мы, славяне, своих на поле боя не бросаем, а за погибших, ежели что, то и на танк с гранатой. Но гранаты поблизости не нашлось, зато рядом стоял стол незабвенной Марьи Ивановны, а она тоже леди была, причём настоящая. Кто-то там у ней в роду голубых кровей был. Вот и писала Марья Ивановна как настоящая леди - пером, и любила она этим пером в журнал двойки рисовать. Красивые они у неё были, двойки, как лебеди.

Ну вот, перо полетело в Митьку первым, но я ж не дядя Федя, и метать так хорошо, как он, не умею, поэтому воткнулось оно Митьке не промеж лопаток, куда я, собственно, и

метила, а чуток пониже. Ну ладно, не чуток, а совсем пониже - туда, куда дядя Федя обещал Любкиному кавалеру метлу воткнуть. Митька взвыл и повернулся ко мне. Глаза у него как у бешеной креветки были, а бешеных надо добивать, чтоб не мучились, я только не помню, где я об этом читала.

Перо - то, которое теперь из Митьки торчало - Марья Ивановна, как положено, в чернильнице держала. Беленькая такая фарфоровая непроливашка была. Вот она и стала той самой гранатой. Метнула я ее в козлиную Митькину морду и... не по-па-ла. Ну, не вождь я! Белку в глаз с одного выстрела не могу, и даже Митьку в глаз не могу, со второго. Зато подрывник из меня получился отменный. Чернильница стукнулась о классную доску над головой убийцы карандашей и разлетелась вдребезги, облив при этом Митьку синими чернилами с ног до головы. Поруганная честь алмаза чешских канцелярских товаров была отмщена. К моей величайшей радости, теперь Митька и вправду стал похож на индейца, сам Гойко Митич позавидовал бы его боевому раскрасу. Но радость от победы была недолгой... Митька на поверку оказался вшивым, козел и тот не плакал, когда рог свой с моим батоном потерял. А этот нюни распустил, как баба. Оказывается, костюм у него новый был, мамка ему откуда-то из загранки привезла. И надевая его на Митьку утром, строго-настрого приказала:

- Смотри, сынок, порвёшь... Убью заразу.

И мне бы радоваться. Вот он - враг, повержен и разбит, и ждет его пятую точку вечернее рандеву с отцовским ремнём. Но мы, женщины, поразительные создания. Мы не только прибить нежной рукой можем, но и залечить любые раны лёгкой улыбкой. А пожалела я козла. И как потом оказалось, совершенно зря. Потатила я этого уroda к себе домой. Маменьке моей с Америки какой-то порошок стиральный привезли термоядерный. Отстирывал все. У папеньки трусы были, в цветочек розовый, так даже цветочки отстирал. Ни одного не осталось. Папенька почему-то очень радовался этому факту. Уж не знаю, чем ему цветочки не угодили?

Мама моя была тоже настоящей леди, поэтому слезами сопливого Митьки очень прониклась. Сначала она меня, конечно, выругала. Ну как выругала... Читала мне мораль, под злобно-довольные взгляды Митьки, о том, как себя должна вести умная и хорошая девочка вроде меня. А потом мы с мамой пошли стирать залитый чернилами костюм, и вот пока я

отстирывала в ванной следы вражеской бомбардировки, козлина сидела на кухне, жевала сопли с видом потерпевшего и бессовестно жрала бабушкины пирожки.

Костюмчик его мы с мамой, конечно, отстирали - сильна она, буржуйская химия. А с Митькой не заладилось: совдеповские чернила выигрывали у отечественного мыла по всем статьям. А порошка на Митьку мама, хоть и леди, но почему-то пожалела. Так и остался он полосатый, как индейский енот.

Чернилам Митька, наверно, понравился, потому как три дня они украшали его козлиную морду, и пробегающие мимо него первоклашки все время кричали: «У-у-у-у», хлопая ладошкой по губам и изображая победный клич апачей.

На четвертый день Митька пришел в школу с красной растёртой мордой, но уже без чернил. И с этого дня он вырыл (не знаю, где он там у него был закопан) свой томагавк и стал на тропу войны.

На следующий день в моем портфеле оказалась мышь. Мама мне с собой в школу клала бутерброды, я их, конечно, не ела, а по дороге домой скармливала блохастому тузику, вечно бегающему вокруг школы. Мышке мамины бутики тоже понравились, потому что пока я, вскочив на парту, орала как резаная, усатая гадина спокойно дожёвывала докторскую колбасу. И оторвать её от этого увлекательного процесса смогла только техничка тётя Клава, прибежавшая на крики с грязной тряпкой.

Сильно она мышку испугала, я потом результат мышиноного испуга два дня из портфеля вытряхивала. Родителей вызвали в школу и потребовали, чтобы мы сделали дезинсекцию квартиры. Мама долго уверяла, что это какое-то недоразумение, но технички требовали сатисфакции. Ещё бы, полдня летали по всем этажам с тряпками за улепетьывающим мышонком.

Месть моя была быстрой и жестокой.

На уроке физкультуры мы портфели в классе оставляем, а меня физрук за журналом послал. Митькин портфель лежал на самом видном месте и просто умолял, чтобы я в него залезла, что я без зазрения совести и сделала. Митька хоть и козел был, но учился хорошо, а следующим уроком был русский язык, и заданное на дом сочинение о том, как я провожу свой день, аккуратным козлиным почерком было записано Митькой в тетрадку. Первое, что мне бросилось в глаза, была фраза: «Берусь за ранец и иду в школу». За ранец он, понимаешь, берётся... Между «за» и «ранец» красиво так вписалась буква «с», а дальше меня поперло:

урок стал окурком, учитель – мучителем, а посуду этот гад, оказывается, ставил в мойку, после завтрака, ну, я ему и приписала «по» впереди, чтобы не выпендривался.

Ну и апофеозом моего писательского таланта стало слово «спать». Приписав снизу палочку к букве «п», получилось слово, которое, настоящие леди не произносили даже в мыслях. С чувством глубокого удовлетворения я засунула тетрадку обратно в портфель и пошла на физру.

Но мы ведь легких путей не ищем, тетрадки с сочинением мне показалось мало за погибшего в неравном бою с тряпкой мыша, а впереди была эстафета. И Митька бежал... Как он бежал... И палочку мне так тянул, так тянул, что даже не увидел выставленную мной ногу. Летел он как Ту-134 на посадку, даже шасси успел выбросить. Проскользив пару метров по взлётной полосе и оставляя за собой мокрый след, как улитка, Митька затормозил и в позе гордого орла тюкнулся клювом о землю. Шнобель стал синим сразу, а глаз заплыл к следующему уроку, поэтому козлина и не разглядела в тетрадке полет моей мстительной фантазии.

А завтра у меня был праздник! Митьке поставили двойку за сочинение и вызвали отца в школу. И что характерно, обычно выдержки из сочинений всему классу зачитывают. Ну, чтоб тот, кто особенную хрень написал, испытал всю гамму чувств под дружественный ржач одноклассников и осознал, насколько он туп. А тут училка даже не заикнулась, за что «два» поставила. Родаков к директору - и точка!

И какое же счастливое у меня было лицо, когда, проходя мимо директорского кабинета, я узрела зареванную Митькину моську с заплывшим глазом. Лицо меня и выдало. Митька в этот момент, утирая сопли рукавом, случайно повернулся в мою сторону.

А не актриса я. Ну не получилось у меня сделать скорбно-сочувствующее лицо, меня просто распирало от удовольствия. Козлина злобно прищурилась единственным целым глазом, сложила недостающие пазлики в своих козлиных мозгах и показала мне кулак. На что я гордо показала козлине язык, потому как доказательств у него все равно не было. Но портфель с того дня и Митька, и я все время с собой даже в туалет носили, опасаясь очередной партизанской вылазки.

Митька оказался изобретательным, к сожалению. А все почему?

Карты в руки ему дала наша класуха, посадив нас за одну парту. Так вот, пока я, умница-разумница, выписывала на доске красивым каллиграфическим почерком примеры,

козлинка тихо внедряла свой липко-гнусливый план в жизнь. Эта гадина притащила из дома суперклей. В отличие от всяких криволапых, ноги под партой у меня ровно стояли, а не так как у Митьки - лежали на перекладине и вытирались о спину впереди сидящего Стасика. Вернувшись от доски с пятеркой, я, как и предполагается леди, сложила белые ручки одна на другую и гордо задрала свою светлую головушку, чтоб тупая морда прочувствовала всем своим козлиным нутром, с какими людьми ему выпала честь сидеть. И ноженьки я ровненько поставила... Коленочка к коленочке... Так они и стояли... Ноженьки... Ровненько-ровненько. Потому что эта гнида налила на пол суперклея, и теперь отодрать меня от него можно было только вместе с линолеумом.

Митька, видя, что я дергаюсь, как попавшая в мед муха, ржал как лошадь на переправе. А у меня в голове крутилась только одна мысль: «Теряю я их, теряю... Кедки... Любимые. С белой подошвочкой. Со стразами и розовыми шнурочками. Останутся они навеки узниками сырых школьных казематов!»

И такая меня злоба взяла. А рюкзак у меня тяжелый был... Навернула я им Митьку со всей дури - резко и бескомпромиссно, он только успел голову руками прикрыть.

А не то место Митька прикрыл. Дурачина свой суперклей в нагрудный карман спрятал, а колпачок впопыхах, видать, плохо закрутил. Костюмчик, который мы с мамой так долго отстирывали, прилип к впалой козлиной груди намертво, как фиговый лист к статуе Давида. Вот теперь мы были квиты!

С того момента педагоги поняли, что мы с Митькой в контрах. Сажать нас вместе больше не сажали, но помирить пытались. Зря, ой как зря. Кому в голову пришла эта безумная идея, не знаю, но учителя решили на нас Митькой испытать старый, проверенный великим Макаренко метод: совместный труд облагораживает и сближает. И с чего они решили, что он на нас с козлиной подействует? Нет, Макаренко, конечно, мужик хороший, но супротив нас с Митькой – поц зеленый. Заставили педагоги нас с Митькой елку школьную наряжать. Ну вот... Так получилось, что ёлки в том году в школе не было, а на нас с Митькой повесили обидное до слез клеймо - поджигатели!

Начиналось все очень даже прилично. Мы с козлиной молча вешали игрушки по разным сторонам ёлки, изредка бросая друг на друга из-под лба косые взгляды, пока в

спортзал не прибежали Митькины дружки, к слову сказать, с головой они, как и Митька, дружили не очень.

Придурки где-то достали бенгальские огни и, мотыляя своими корявыми лапами с зажжёнными огоньками, стали бегать вокруг ёлки.

Я включила полный игнор (я же все-таки леди) и с гордым видом королевишны цепляла на верхушку кособокую снежинку. Но тут козлина вспомнил, что у нас таки война и противник превосходит меня не только по численности, но и по месту дислокации. Уродцы, злобно скалясь и улюлюкая, стали трясти мою стремянку. Я, конечно, девочка цепкая, и держалась до последнего... А стремянка не выдержала... С жалобным скрипом ножки у лесенки сложились, и я, как подбитый бомбардировщик, спикировала на дурную Митькину голову.

Самым ярким воспоминанием того дня стал Дед Мороз, стоящий под елкой.

Дед Мороз, Дед Мороз, борода из ваты... Вата его и погубила. Прибитый мною и стремянкой Митька выронил из рук искрящуюся палочку, и она с радостным шипением полетела поздравлять краснощёкого дедушку. Бенгальский огонь воткнулся в морозову бороду, и дедушка перестал быть морозом, скорее, наоборот, в тот момент он был очень горячим дедом.

Красиво горел... Огонь со скоростью звука стал распространяться по еловым веткам, и через секунду уже вся двухметровая красавица пылала, как свеча на ветру. Когда прибежали физрук и трудовик с огнетушителями, было поздно: от ёлки осталась чёрная обугленная цурпалка с висящими на ней закопчёнными шариками и оплавленной снежинкой наверху.

После этого нам с Митькой не то что елку наряжать, даже убирать школьную территорию граблей в руки не давали. А на химии от нас вообще реактивы прятали, после того, как я один раз их Митьке заменила магнием с марганцовкой. У меня ж папенька химик. А козлина, она же купорос от синьки отличить не может, вот у него моя горячая смесь и рванула. И был Митька похож уже не на индейца, а на африканского вождя бушменов.

Так и жили мы с Митькой в атмосфере постоянных боевых действий, периодически поднимая всю школу на уши своими выходками.

Армагеддон случился на выпускном.

И откуда они переняли эту идиотскую буржуйскую манечку выбирать на выпускном вечере короля и королеву

бала? Ну, королевой, естественно, выбрали меня, я ж не только леди, но ещё и просто красавица. А королем к моему ужасу, почему-то выбрали козлина. Я так думаю, народ привык к тому, что мы с Митькой вечно удивляем общественное воображение, вот и решили себе напоследок праздник души устроить. Чисто поржать. И предусмотрительные такие: все телефонами запаслись, чтоб заснять, так сказать, мой позор. Нам же, как героям вечера, танец полагался. На сцене. В коронах.

И вот, когда козлина положила свои кривые грабли на мою царскую талию и двинулась со мной по кругу в темпе вальса, какая-то зараза вырубил свет. Засада - первое, что пришло мне в голову. У меня ж тепловизора в голове нет, а пока я слепая как крот, от козлины можно было ожидать любой пакости, поэтому я, предусмотрительно дернулась в сторону. Кто ж знал, что в стороне конец сцены? Чувствую - лечу...

Но я же цепкая, как белка, я и цеплялась в полете за все, что под руку попадалось. А попались мне Митькины штаны почему-то. И вот тут включили свет. Я лежу под сценой... Стоит Митька в позе «к нам едет ревизор», с короной на голове, со спущенными портками и в офигительных труселях с нарисованной на причинном месте вороной, запертой в клетку, и надписью рядом: «Освободи птицу». Митькина птица должна была быть мне благодарна. Очень уж она публике понравилась. Больше месяца Митька был звездой ютюба, я даже самолично ему один лайк поставила. И отбоя от баб у него после этого не было.

Еще одним козлом в моем светлом окружении был сосед Михалыч - хмырь и забулдыга. Жил он этажом выше и поэтому с завидным постоянством портил мне жизнь. Михалыч с метлой нашего дворника сильно не дружил. Вот как выпьет, так они и не дружат. Михалыч, он же нетрезвым все время территорию пометить пытался, ну, наверное, чтоб на автопилоте дорогу домой по запаху найти можно было. А дядя Федор, он же пограничник, хоть и бывший. Нюх у него как у собаки. У него граница на замке и враг не пройдёт. Он Михалыча за версту чуял. Его, правда, весь микрорайон чуял, когда он, возвращаясь домой, дурным голосом орал на всю округу: «По аэродрому, по аэродрому, лайнер пролетел, как по судьбе». Летчиком, наверное, мечтал быть. А оно вишь как сложилось... Сантехник! Поэтому и летал он только в мечтах, от пивного ларька и до того места, где его укладывала на посадку метла дяди Федя. Он лежит на взлётной полосе, а дворник орёт тёте

Груне, жене его: «Иди, Грунька, сваво космонавта забирай».

Михалыч поэтому и курил на лестничной клетке, а бычки с верхнего пролёта площадки кидал вниз, и прямёхонько на наш половичок. А кот у Михалыча тоже в прошлой жизни, наверно, козлом был, потому что в туалет он ходил только под наши двери. Уж не знаю почему, то ли бычки Михалыча тушил, боялся пожара, то ли выражал свой котячий протест по поводу того, что Михалыч курит. Но убирать это безобразие приходилось мне.

Я, конечно, половину бычков Михалычу в замочную скважину засовывала, за что он каждое утро покрывал благим матом свою соседку, ну правильно, кто ж на меня-то подумает, я ж девочка интеллигентная: «Зарасте, Семён Михалыч! До свиданья, Семен Михалыч! Как ваше здоровье?»

Так вот, тот знаменательный день начался с того, что сначала какая-то козлина позвонила мне на телефон в пять утра и спросила, есть ли у нас горячая вода, и когда я ответила, что есть, мне посоветовали помыть ноги и лечь спать. Думаю, Митька, гадина, постарался. Потом с утра Михалыч опять набросал окурков мне под двери, и пока его кот не прибежал с пожарным шлангом, я быстренько подмела и насыпала на половичок красного жгучего перца. Так сказать, отворотное средство. Кошара его, когда нанюхается, ориентацию теряет и поливает коврик на первом этаже. А там... а там живет Октябрина Карловна. Она же председатель кооператива. Она же жена вождя Федора косоногого и просто страшная женщина. Ее даже дядя Федя боялся. Давила она его своим авторитетом. Авторитет выпирал у неё спереди и был ни больше ни меньше шестого размера. Ну, вы поняли.

В роду у ней одни пролетарии были. А у пролетариев любимый фильм - «Человек с ружьём». Ружья у Октябрины Карловны не было, только метла дяди Федя и большой пылесос фирмы Boss. И с этим пылесосом она стояла, как часовой на посту, периодически выглядывая в дверной глазок. И как только кот Михалыча умащивался возле ее дверей и прикрывал глаза в надежде облегчиться, тетка Октябрина вылетала с включенным пылесосом, и кошара минуты две дергался, пытаюсь отклеиться от втягивающей его трубы, а потом с воплем ломился наверх. И надо ж было такому случиться, что как только я вышла из квартиры и подняла ножку над ступенькой, собираясь идти в институт, меня снёс полоумный кот Михалыча, видимо, уже прошедший курс

антицеллюлитного массажа пылесосом Октябрины Карловны.

Потеряв равновесие и помахав в воздухе руками, как раненая чайка, я грохнулась со ступенек вниз, смачно припечатавшись головой о стенку. Кружась вокруг синими звёздочками, моё сознание сказало мне «Прощай».

И снился мне страшный сон...

Лежу я, сиротинка, покалеченная на холодном и сыром полу, а надо мной жуткая козлиная морда склонилась и скалится, и почему-то руки свои загребущие ко мне протягивает и шарит ими по мне, и шарит... Глаз один приоткрыла, а ОНО - хвостато-небритое - ко мне ещё и слюни свои тянет. Так сказать, дыхание рот в рот.

Не знало ОНО, что у меня рефлексы как у боксера (ещё бы, долгие и упорные годы тренировок на Митьке), рука с размаху въехала в небритую морду, нога, разогнувшись, как пружина, долбанула по этим... Ну, которые крепкие орешки. А орешки у него как раз и не крепкие оказались, потому что схватился он за них и трубить стал, как лось в брачный период. Пока ОНО мычало и тёрло своё самое сокровенное, я встала, отряхнулась, ну и чтоб, так сказать, закрепить эффект, дала ему поджопник. А пусть знает, козлиная, в следующий раз, как руки распускать! Подняв с пола сумочку, летящей походкой я пробежала по лесенке вниз и потопала на учёбу.

Но у козлов, наверно, в этот день Луна была в Юпитере. Планеты выстроились в крест, и этим крестом меня и добились...

Митька, кстати, зараза эдакая, решил мне житья и в университете не давать, поступив со мной на один факультет и даже в одну группу, а садился, гадина, все время сзади, пуляя в меня скрученными из бумаги шариками. И вот, когда я нагнулась под парту, прячась от летящей в меня пульки, в аудиторию вошло ОНО: белобрысо-волосато-небритое, ну то самое - с покоцанными орешками.

Оно пришло на замену любимому Вольдемару Генриховичу, безвременно ушедшему на пенсию и ценившему во мне не только мой незаурядный ум, честь и совесть, но еще и истинную леди! Звали ОНО - Антон Викторович. И оказалось ОНО нашим новым преподавателем - молодым светилом кафедры, учившимся то ли в Кембридже, то ли в Оксфорде. Короче, ОНО было умным. Чересчур. И я вот почему-то сразу поняла - козел! Самое странное, что одногруппницы моего мнения насчёт его козлиной внешности явно не разделяли, тихо пуская по нему слюни, называя козлиную бороду легкой сексуальной небритостью, а

белобрысый хвост - феерично стильным. Тьфу, дуры!

По всем законам подлости, белобрысому гаду зачем-то понадобился староста. Ну, догадайтесь с трёх раз, кто в нашей группе был старостой? Правильно! Умница и красавица - Я! Затаив дыхание, я тихо полезла обратно под парту, находясь в культурном шоке от того, чей зад я так неосмотрительно пнула утром.

Сдал меня Митька, ткнув пальцем и заявив, мол, вон она, на полу остатки разума подбирает. Показав Митьке комбинацию из трех пальцев, я вылезла на свет Божий. Узрев меня, ОНО побледнело и мгновенно приняло позу футболиста перед штрафным ударом. Надо же, узнал. Пару секунд ОНО находилось в прострации, а потом начало изощрённо мстить за поруганный детородный орган. Я ж говорила - козел! Меня вызвали к доске, сунули в руки мел и порвали как тузик грелку. Целую пару ОНО гоняло меня по всему пройденному материалу, как моську. И каждый раз, когда я делала ошибку, ОНО ехидненько так повторяло:

- Ну что же вы, милочка, это же элементарно! Это же школьная программа! И как вы мне зачет собираетесь сдавать?

Как, как? Я вот почему-то тоже себе все время этот вопрос задавала и с горечью думала, что не то место я ему отбила. Несчастную, задерганную и измазанную с ног до головы мелом меня наконец-то оставили в покое к середине второй пары. И улыбка у ОНО Викторovichа была ну вот просто запредельно счастливая. Почти как у меня, когда Митьку с отцом к директору вызывали. Короче, день не задался. А дома ждал очередной сюрприз в виде заброшенного окурками половичка со следами уже побывавшей на нем пожарной бригады. Ну все, достали! План мести созрел мгновенно. Половичек я замочила в ведерке и выстирала. А само ведро с грязной водой и плавающими в нем окурками ждало своего звёздного часа. И вот, когда на лестничной клетке послышался заунывный вой Михалыча, с его космической песней «по аэродрому», я открыла дверь и окатила козлину коктейлем «плавающий бычок». Шок... Перед дверью стояло ОНО! В костюмчике от Бриони, залитом грязной вонючей жижей и с застрявшим в нагрудном кармане окурком. Слов нет. Зато они нашлись у Михалыча, который хоть и пьяный, но, видимо, услужливо пропустил белобрысого вперёд, из-за чего я и попала в такую переделку. Михалыч поднялся по ступенькам, похлопал дружески ОНО Викторovichа по плечу и изрёк перл:

- Бабы дуры!

И на этой оптимистической ноте я закрыла перед носом белобрысого дверь.

Весь ужас происходящего заключался в том, что ОНО, оказывается, купило квартиру в нашем доме, только двумя этажами выше. И теперь его небритую рожу я имела честь лицезреть каждый поганый день. На следующий день «Империя» нанесла мне ответный удар. Я обычно в универ вовремя прихожу, а тут - не сложилось, всю ночь снился Михалыч с бычком в зубах, ухмыляющейся мордой, и при этом все время повторял: «Бабы дуры!» Как следствие – я проспала. Из дому вылетела в последний момент и на последних минутах заскочила в университетские двери.

ОНО медленно шло по коридору в аудиторию, а я бежала. Вот честно, так быстро бежала, как только могла. И я его почти догнала. Ключевое слово «почти», потому что с чарующе наглой ухмылкой ОНО захлопнуло дверь прямо перед моим носом и повернуло ключ в замке. Педант поганый! Гадина пунктуальная! Набрался там в своем Кембридже великосветских замашек. Получалось, что его лекцию в этот день я прогуляла. Но врагу не сдаётся наш гордый Варяг. На следующее утро я вышла пораньше и... О чудо! На верхнем этаже я услышала, как ОНО, с кем-то разговаривая по телефону, вызвало лифт. А лифт у нас был замечательный и имел одну редкую особенность: если чуть-чуть растянуть дверки в стороны во время движения кабинки, то он тут же останавливается. Я в нем Михалычу камеру пыток устраивала: растяну дверки, потом отпущу, и так минут десять. Он поэтому и ходил пешком. Все говорил, что лифт у нас какой-то тормознутый. И вот когда белобрысый залез в кабинку и, нажав кнопку, двинулся вниз, я тихонько растянула дверки. Лифт протяжно заскрипел и остановился. ОНО стало вызывать лифтера. Ну как ребенок, ей Богу. Какие лифтеры? Это тебе не Англия, умник. Наши лифтеры - это ж как зеленые человечки, вроде бы где-то есть, но где - никто не знает. А кнопка для их вызова так вообще по жизни не работает. Ну, а чтоб белобрысый прочувствовал на своей шкуре всю прелесть суровых отечественных будней, я всунула между створок лифта, как распорку, самую крупную монетку. Так что дыши глубже, лорд недоделанный!

Исполнив радостный ритуальный танец шаманов племени «тумба-юмба», я поскакала вниз на выход.

А внизу стояла его машина! О да-а-а-а. Черный сверкающий крайслер с надписью вместо номеров «КОБРА».

Пижон! Будешь черепахой, мстительно подумала я, и с чувством глубокого удовлетворения спустила ему все четыре колеса.

На лекции ОНО в тот день опоздало. Машину белобрысый под окнами больше не ставил и на лифте, к моему большому огорчению, тоже ездить перестал. День X близился. На носу была зачетная неделя, и я, чтобы не упасть в грязь лицом перед Пижоном Викторовичем, ночь напролёт зубрила его предмет. Утром, чтоб немного размять затёкшие от ночного бдения конечности, вышла на балкон, сладко потягиваясь и улыбаясь всему миру. Мир мне тоже улыбнулся, в лице наглой белобрысо-небритой козлины, стоящей сверху на балконе напротив и пялившейся на меня, стоявшую в одних трусах и майке. И улыбка у него была такая запредельно нехорошая, как у крокодила, собирающегося сожрать антилопу. На все тридцать два зуба.

Так, да? Я, может, сама на себя раздетую в зеркало смотреть стесняюсь, леди я, в конце концов, или нет? А уж чтоб всякие уроды меня разглядывали... Ну все, маньяк английский, я тебе устрою войну алой и белой розы.

Порывшись в шкафу, я соорудила из топики, который почти ничего не прикрывал, а даже наоборот, и самой короткой юбки, что у меня была, костюм «прости господи». Все это безобразие я целомудренно скрыла под длинным пиджаком и, застегнувшись на все пуговики, пошла сдавать небритой козлине экзамен.

Билет попался пустяковый, я что, зря две ночи не спала? Но ОНО нервно постукивало ручкой по столу и бросало на меня многозначительные взгляды, ожидая, пока подойдёт моя очередь, наивно надеясь устроить мне прилюдно казнь. А я ждала, когда ж у него нервишки сдадут, и они таки сдали... Нестойким бойцом оказался английский лорд.

Когда Митька собрался идти отвечать, ОНО демонстративно посадило уродца на место и потребовало на заклятие моего бренного тела. Ну-ну, козлина, сам напросился. Шла к нему, как весна к апрелю. В смысле, цвела и пахла. Села напротив и вальяжно закинула ногу за ногу. Очень короткая юбка стала из очень короткой неприлично короткой. ОНО нервно дернулось, но пока держалось. А дальше под предлогом того, что мне стало жарко, я начала растёгивать пуговики на пиджаке - медленно, с придыханием, чувственно сдувая падающую на лоб челку. А ему, судя по всему, тоже стало жарко, даже капельки пота на лбу выступили.

И тут я стянула пиджак...

Ну, не буду скромничать, я очень даже ничего там, где надо. А если совсем нескромно, то так и быть - есть у меня на что посмотреть. А сильно нескромный топик так и вообще давал волю воображению. И ОНО явно что-то там себе навоображало...

Пить... В этот момент ему очень хотелось пить, я так думаю, потому как, судорожно сглотнув, он стал наливать себе водички из графина. Святая простота! Это у вас там, в Англии, воду на экзамены секретарши наливают, а у нас, родимый - старосты. А староста у нас кто? Правильно! Вот я и налила ему в графин водички, точнее, водочки! Одним махом он опрокинул в себя жидкость из стакана и медленно стал приобретать багрово-красный оттенок. Ну, и чтоб не сильно мучился, я его добила экзаменационным билетом. Стала обмахивать им зону глубокого декольте и, невинно хлопая глазками, спросила:

- Жарко сегодня, правда?

ОНО подорвалось как подстреленный сайгак и ломанулось из аудитории. Долгие и упорные годы тренировок на Митьке говорили мне о том, что следы преступления надо замечать, поэтому я, глядя, как у офигевших одноклассников поочередно отваливаются челюсти, подошла к окну и вылила содержимое графинчика вниз. Оттуда сначала послышался отборный мат студентов, а потом, видимо, распробовав, стали просить ещё.

В графинчик я снова налила теперь уже водички, предусмотрительно оставленной под кафедрой, и, надев пиджак, стала ждать, когда подвыпившая козлина приведёт декана.

ОНО вернулось... Но не с деканом, а с бутербродом и соленым огурцом из студенческой столовки. Нацедив себе полстакана, ОНО потребовало, чтоб я рассказывала билет. И вот, когда я начала свой научный доклад, ОНО жестом заправского алкаша влило в себя воду. Лицо у него было, как у лемура из мультика "Мадагаскар". В том смысле, что такое же неумное. Сначала он тупо смотрел на стакан, потом его понюхал, потом понюхал графин, а потом уставился на меня как баран на новые ворота.

Господи, и где ж вас таких идиотов в Англии-то учат? Слушать меня дальше козлина не стал, видимо, признав, что этот раунд остался за мной. ОНО потребовало зачетку и, поставив туда

«отлично», зачем-то добавил:

- За изобретательность.

Счастью моему не было предела. А рано я радовалась. Как говорится, смеётся тот, кто смеётся последним.

После меня экзамен не сдал никто. Меня тихо ненавидела вся группа, считая, что я действую на белобрысого упыря, как красная тряпка на быка. Хорошо, что на носу были каникулы и про меня все благополучно забыли. И я, отдыхая у бабули в деревне, совершенно забыла про постигшие меня неприятности и про навлёкшего их на меня хвостато-белобрысого козлина.

А осенью пришла она... Картошка! Я только не поняла, зачем туда с нами пижона лондонского направили? Может, как молодому лоху, навешали, что там романтика, свежий воздух и все такое, а может, чтоб спустился с туманного Альбиона на нашу грешную землю. И поближе так, поближе к земле.

Розовые очки у него с глаз упали после того, как он пару раз поймал своим английским ботинком коровью мину. А когда увидел, что я ухохатываюсь, глядя, как он тщетно пытается стряхнуть с себя остатки коровьей лепешки, так и вовсе озверел. И вот не знаю, почему мне так показалось, но ОНО явно что-то задумало. Потому что нарезало вокруг меня круги и очень странно смотрело. Идём в столовку - ОНО плетётся рядом, сижу, ем - ОНО смотрит и гипнотизирует, как удав кролика. У меня даже аппетит пропал. Куда ни гляну - везде ОНО мелькает.

Всю глубину его Макиавеллевского плана раскрыл, сам того не ведая, козлина Номер Один - Митька. Я же леди, а потому трудилась как золушка, не покладая рук, пока Митька ездил девкам по ушам и строил глазки. А собранный урожай мы относили на склад, и когда заканчивалась работа - взвешивали.

И что интересно, у меня, как у ударницы и передовицы, по весу собранного урожая должно было получаться намного больше, чем у козлины, но каким-то невероятным образом он каждый день обходил меня по всем статьям. Подвела Митьку его выпущенная на волю и сильно подгулявшая птица. В один прекрасный момент ко мне подошла Леночка, которую козлина неосмотрительно поматросил и бросил, и сдала его со всеми потрохами. Оказывается, пока я, как папа Карло, в позе раком, бороздила бескрайние колхозные просторы, козья морда подло отсыпала мою картошку себе. И я устроила засаду. Спрятавшись за ящиками и набрав клубней покрупней, стала ждать, кода ж козел полезет в мой огород. А он долго ждать себя не заставил. Митька,

воровато озираясь по сторонам, подошёл к моему скарбу и нагло стал тырить все, что нажито непосильным трудом!

Первая картошка попала ему в ухо, от второй Митька успел увернуться, когда я швырнула в него третью, он присел, и в этот самый момент открылись двери...

В подсобку вошло ОНО.

Картофелина заехала козлу Викторовичу прямехонько промеж рогов. Падал он медленно и красиво, прям как Нэо из «Матрицы». Митька, видя, кого я пришибла, предложил засыпать «жмурика» картошкой и сваливать. Покрутив дурному у виска, я пошла откачивать недобитого лорда. Там в углу ведро стояло с водичкой из колодца... Ну, я задохлику и устроила душ Шарко.

ОНО открыло глаза и, сфокусировавшись на мне, вдруг прохрипело:

- Убью!

Злой... Мамочки, какой же он был злой. Ну, а когда козел сильно злой, по предыдущему опыту я знала - надо делать ноги. И вот я бегу, как в детстве, а за мной козлиная хвостато-небритая, с синей шишкой на лбу вместо рога. А забора нет. И даже дерева нет. И впереди тупик. А пижон догоняет...

Что я вам хочу сказать? У каждого козла, оказывается, есть секретное оружие. У этого оно тоже было. Причём - убойное. Зажав меня в тёмном углу, ОНО вцепилось в меня, как пиявка, и вдруг совершенно бессовестно поцеловало.

Я даже дар речи потеряла, а этот подлец, пользуясь моей временной дезориентацией, целовал до тех пор, пока у меня коленки не подкосились и я лужицей не растеклась по его широкой козлиной груди.

Критически осмотрев его рожу, я с удивлением поняла, что она не такая уж и козлиная. И тут ОНО меня окончательно добило тирадой:

- Господи, и за что я тебя так люблю, дуру ненормальную.

Ну, о «дуре» и «ненормальной» он до сих пор жалеет, вот как крышку на унитазе не опустит или носки свои по углам поразбрасывает, так и жалеет. А ещё, когда по утрам смотрю на забрызганное зубной пастой зеркало, все думаю: не, ну не козел? Вот объясните мне, зачем скалиться в зеркало, когда чистишь зубы? Они ж чище от этого не станут! И как только я пытаюсь включить свою полицейскую сирену, приходит ОНО и применяет

на мне свое «секретное оружие», а после его применения у меня почему-то память напрочь отшибает: не помню, за что я его ругать собиралась.

Ну, так я это все к чему рассказывала? Фамилию-то я Антошину взяла. Ну, в общем, Козловские мы! Как-то так. Так что к козлам я теперь имею самое прямое и непосредственное отношение. А так - да, не люблю козлов, но одного конкретного, почему-то даже очень.

Конец